

Евсеева Я.В.

**Концепция зависимости от траектории предшествующего развития:
Основные положения и критика (Аналитический обзор)¹**

Евсеева Ярослава Вячеславовна – научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии ИНИОН РАН

***Ключевые слова:** концепция зависимости от траектории предшествующего развития (ЗТПР) и ее критика; исторический институционализм; агентность и структура.*

Концепция зависимости от предшествующего развития (path dependence, ЗТПР) была разработана в экономической области Полом Дэвидом (Стэнфордский университет, США) [David, 1985, 2001, 2007] и Брайаном Артуром (Институт Санта-Фе, США) [Arthur, 1994]². Эти авторы известны, прежде всего, своим анализом адаптации технологических стандартов. Согласно Артуру, та или иная технология, будучи принятой, затем склонна к «самоусилению» (self-reinforcement). Это связано с тем, что по мере дальнейшего использования технология приносит все большую прибыль (increasing returns): чем больше производится продукции по данной технологии, тем ниже стоимость каждого следующего продукта. Кроме того, облегчается обучение и возникают так называемые координационные эффекты (coordination effects): сетевое взаимодействие в рамках одних технологий увеличивает прибыль. Дэвид получил известность благодаря

¹ Аналитический обзор подготовлен в рамках исследовательского проекта «Исследование взаимоотношений власти и общества в России в ракурсе политической онтологии», осуществляемого при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 15-03-00008а).

² Дж. Махони возводит анализ траектории (path analysis) к модели линейного причинного анализа (linear causal analysis) Г. Саймона и Г. Блейлока [Mahoney, 2000, p. 539].

своим работам об экономике QWERTY [см., например: David, 1985]. По мнению исследователя, данная раскладка клавиатуры завоевала популярность именно потому, что обеспечивала возрастающую прибыль. Она позволяла набирать текст десятипальцевым методом и подходила многим пользователям. Вместе с тем, утверждает Дэвид, когда данная раскладка уже не была самой технологически продвинутой и удобной, большинство пользователей остались ей верны, поскольку переключение на другую технологию означало бы повышение затрат на обучение. Из данных исследований Артур и Дэвид делают следующие выводы. Заранее невозможно предсказать, какая именно технология возобладает, тем самым в начале процесса имеет место фактор случайности (contingency). Когда выбор сделан, в силу вступает самоусиление, и происходит «запирание» траектории (lock-in), воспроизводящее один и тот же путь развития. Таким образом, «история имеет значение»¹ – это утверждение стало одним из ключевых постулатов ЗТПР.

Обладатель Нобелевской премии по экономике Дуглас Норт (1920–2015) распространил ЗТПР на общественные институты, поскольку, по его мнению, в их случае также действует фактор повышающейся прибыли [North, 1993]. Все обозначенные Б. Артуром принципы Норт считал применимыми к институтам. В последних он видел «правила игры» в обществе, «формирующую человеческое общение структуру», которая состоит из формальных правил и неформальных ограничений (поведенческие нормы, разного рода условности и кодекс поведения, который индивид возлагает на самого себя) [ibid., p. 36]. Притом что акторы стремятся к образованию и инновациям, они в то же время стараются снизить стоимость своих транзакций и затраты на обучение. В итоге следование привычной траектории является обычной практикой в обществе, где игра

¹ Дэвид пропагандировал направление, называемое им «исторической экономикой» [David, 2001].

осуществляется по институциональным «правилам». К тому же институты дополняют друг друга (образуется паутина «институциональной матрицы» [ibid.]), что уменьшает возможности для реформирования отдельных институтов. Исследования Норта открыли путь для адаптации идей ЗТПР в политическую науку и социологию.

Одним их первых это сделал политолог Пол Пирсон (Калифорнийский университет в Беркли, США) [Pierson, 2000]. С его точки зрения, ЗТПР характеризует политическую реальность даже в большей степени, нежели экономику. Согласно Пирсону, политические институты способствуют скоординированному поведению индивидов, за счет чего снижается стоимость сделок, в то время как преобразование институтов было бы сопряжено с высокими затратами. Кроме того, акторы могут использовать свою власть для еще большего усиления собственных властных позиций. Наконец, вследствие сложности и непрозрачности политики здесь труднее, нежели в экономической сфере, оценить потенциальный успех изменений, что затрудняет процесс институциональных реформ.

Наиболее формализованный вид концепция ЗТПР принимает в работах Джеймса Махони (Северо-Западный университет, г. Эванстон, США) [Mahoney, 2000, 2001; Mahoney, Schensul, 2006]. Все изучаемые им явления развиваются по одному сценарию, а именно: предшествующие условия (исторические факторы, определяющие доступные варианты и процессы выбора) → критический момент (выбор одной из нескольких альтернатив)¹ → структурная стабильность (производство и воспроизводство института

¹ Концепция «критических моментов» (critical junctures) была разработана, с опорой на работы С.М. Липсета и С. Роккана, Дэвидом Кольером и Рут Беринс Кольер (Калифорнийский университет в Беркли, США) [Collier, Collier, 1991]. Согласно Кольерам, в разных странах на определенном этапе имели место периоды, в которые происходили существенные перемены и которые оставляли значимое наследие в истории данных стран. Для развития «критического момента» должны сложиться некие предшествующие условия, затем возникает кризис, провоцирующий критический момент, по завершении чего остается наследие (legacy), которое оказывает свое влияние в течение большего или меньшего времени. Эмпирической базой для исследователей стало рабочее движение и смена режимов в Латинской Америке.

или структурного паттерна) → реактивная последовательность (реакции и контрреакции, вызываемые институтом или структурным паттерном) → последствия (разрешение конфликта под влиянием реакций и контрреакций). Так, на материале смены политических режимов в Центральной Америке в XIX–XX вв. [Mahoney, 2001] данная схема приобретает следующий вид: характер либерально-консервативного противостояния, уровень модернизации → выбор либералами радикальной либо реформистской политики → производство и воспроизводство радикального / реформистского / неразвитого (aborted) либерализма → демократические движения → формирование милитаристских авторитарных / демократических / традиционных диктаторских режимов.

Кэтлин Телен (Массачусетский технологический институт, г. Кембридж, США) задалась целью объединить свои исследования в области исторического институционализма с концепцией ЗТПР [Thelen, 1999, 2003]. При этом несогласие исследовательницы вызывает то, что в данной концепции слишком большая роль придается случайности и одновременно слишком велик удельный вес детерминизма. Она полагает, что теорию можно сделать проще и эффективнее, если просто изучать «механизмы воспроизводства» (reproduction mechanisms). К таковым будут относиться как процессы, усиливающие позиции того или иного института (носящее эндогенный характер), так и процессы, способствующие его разрушению (обычно экзогенные). Телен стремится решить проблему изменений, составляющих один их краеугольных вопросов ЗТПР (как же все-таки, несмотря на ЗТПР, возможны изменения). Она полагает, что изменения происходят постепенно, за счет двух процессов, обозначенных ею как «конверсия» (conversion) и «наслоение» (layering) [Thelen, 2003, p. 226–230]. Первый путь предполагает использование существующего института для решения новых задач и достижения новых целей. В рамках второго пути в ситуации невозможности прямого преобразования на существующий

институт «наслаивается» новый. В результате траектория «старого» института будет меняться, и этот процесс либо укрепит существующий институт, либо со временем его разрушит¹.

Одними из первых, в середине 1990-х годов, когда концепция ЗТПР еще находилась в процессе становления, данные идеи подвергли критике экономисты Стивен Марголис (Университет штата Северная Каролина, г. Роли, США) и Стэн Либовиц (Техасский университет в Далласе, США) [см., например: Liebowitz, Margolis, 1998]. ЗТПР авторы описывают как модную идею. Они напоминают, что основывается она на концепциях, почерпнутых из других наук – теории хаоса в математике и физике и идее случайности в биологии (отбор черты и ее наследование). Тем не менее, в экономической науке оказалось потеряно характерное для теории хаоса представление о перманентном отсутствии равновесия; на его место пришла идея «живучести» (persistence) не самых оптимальных (так называемых субоптимальных) продуктов, технологий и т.п. В противовес заявлениям Б. Артура и П. Дэвида, Марголис и Либовиц утверждают, что история всегда «имела значение» в экономической науке. Однако ЗТПР представляется им сомнительным способом выражения этой мысли. Прежде всего, сложность представляет как отсутствие единого определения ЗТПР, так и разнородность содержательного наполнения данной концепции в работах разных авторов. Марголис и Либовиц выделяют несколько степеней ЗТПР и иллюстрируют

¹ Ряд сторонников ЗТПР поддержали эти нововведения. Так, Тейлор Боас (Бостонский университет, США) раскрывает содержание данных концепций на примере Интернета [Boas, 2007]. Согласно данному автору, Интернет – это гибкая, постоянно эволюционирующая технология, которая позволяет добавлять новые характеристики поверх существующих протоколов, без замены или преобразования имеющихся секторов. Подобно этому политические акторы, скажем, предпочитают переориентировать существующие партии, нежели основывать новые. В то же время в среде исследователей, не относящих себе к апологетам концепции ЗТПР, идеи Телен вызвали критику – прежде всего, с точки зрения того, что они уведут рассматриваемую концепцию слишком далеко от ее принципиальных оснований. В частности, Г. Шварц [Schwartz, 2004], полагает, что ЗТПР не может до бесконечности расширяться, включая в себя все новые объяснительные механизмы; кроме того, с его точки зрения, исторический институционализм нуждается скорее в микрологике.

их на примере гипотетического потребителя. «ЗТПР первой степени» указывает на базовый уровень стабильности той или иной системы, необходимый для ее поддержания. Например, индивид не меняет место жительства каждый раз, как меняются условия аренды. В ситуации «ЗТПР второй степени» индивид живет в купленном им доме, однако спустя несколько лет в его районе строят очистные сооружения – эту ошибку можно отнести на счет недостатка знания. «ЗТПР третьей степени» авторы описывают посредством примера, согласно которому индивид покупает дом, несмотря на то что ему известно о плане строительства по соседству очистных сооружений; тем самым ошибка не была неизбежной. Третья степень ЗТПР свидетельствует о том, что люди продолжают выбирать тот или иной продукт, использовать те или иные услуги и т.п., зная, что они не являются оптимальными. С точки зрения Марголиса и Либовица, в таком случае потребителям и предпринимателям отводится исключительно пассивная роль; за скобки выводятся торговые ассоциации и соглашения, реклама, влияние брендов и т.д. Что же касается превосходства раскладки Дворака и формата Betamax по отношению к клавиатуре QWERTY и видеокассетам VHS, соответственно, то подобные утверждения представляются исследователям не более чем мифом. Клавиатура Дворака не давала значительного преимущества в наборе текста, а кассеты Betamax обладали серьезным недостатком, сводившим на нет все их потенциальное техническое совершенство: ввиду небольшого объема на них не помещался художественный фильм средней продолжительности, так что запись, по крайней мере части, интересовавшего потребителей содержимого оказывалась невозможной. В экономической области Марголис и Либовиц не находят подтверждения ЗТПР третьей степени; они предполагают, что в некоторых других сферах искусственно можно создать нечто подобное, но не считают, что существует целый класс подобных явлений, требующих отдельной теории.

Продолжили критическую линию статьи других авторов, как экономистов, так и представителей других общественных наук (историков, социологов, политологов), в их числе Эми Бриджес и Герман Шварц. Политолог из Калифорнийского университета в Сан-Диего (США) Эми Бриджес [Bridges, 2000] критикует базовый постулат концепции ЗТПР: в то время как сторонники данных идей из успеха, казалось бы, не самых совершенных с технологической точки зрения продуктов делают вывод о случайности подобных явлений, возможен и другой вывод, а именно тот, что производителей и покупателей заботит не одно лишь технологическое совершенство. Бриджес вообще не считает возможным перенос идей из экономической области в политическую науку (как в свое время Марголису и Либовицу не вполне адекватным представлялся перенос идеи из математики в экономическую науку); по ее мнению, ЗТПР в политологии мало что описывает, тем более объясняет. Исследовательницу удивляет, как легко П. Пирсон и его последователи заявляют о стабильности политических институтов; по ее мнению, факт стабильности нужно не принимать, а стараться объяснить (возможные причины: они обладают властными полномочиями, они создают рабочие места, они исполняют важные социальные функции и пр.). ЗТПР Бриджес называет сильной идеей, однако она не видит в ней теорию общества, истории или политики¹. «История влияет», но не так, как предпочитают считать сторонники ЗТПР – в действительности имеет место историческая хронология и влияние предыдущих событий на последующие, а наибольшую важностью обладают отношения между социальными силами и политическими институтами.

Герман Шварц (Виргинский университет, г. Шарлотсвилль, США) призывает вместо данной концепции вновь обратиться к исследованиям

¹ Кстати говоря, для П. Дэвида ЗТПР – это «обозначение определенного класса динамических феноменов, а не теория, объясняющая, как себя ведут подобные системы» [David, 2007, p. 92], однако постепенно методологический статус концепции, определенно, повысился.

механизмов, обеспечивающих, соответственно, стабильность и изменения [Schwartz, 2004]. С его точки зрения эта концепция, объединяющая самые разнообразные явления, скорее затемняет, нежели проясняет понимание.

Все аргументы ЗТПР *временные* и институциональные, в то время как не все *временные* и институциональные аргументы обязательно имеют отношение к ЗТПР. В соответствии с концепцией ЗТПР, траекторию задают так называемые исторические причины¹, а «постоянные» причины далее ее воспроизводят. Однако, полагает Шварц, достаточно воспользоваться бритвой Оккама, чтобы понять, что в новых причинах нет необходимости, а на траекторию продолжают оказывать влияние первоначальные, исторические причины. Большие последствия вызываются крупными событиями, которые отнюдь не носят случайный характер. По Шварцу, масштаб причин и последствий в концепции ЗТПР оказывается несоизмеримым. Событие, признаваемое причиной (скажем, неподкованная лошадь, из-за которой прогибает целое королевство), извлекается из того социально-исторического контекста, в котором оно произошло. Вероятнее, пишет данный автор, случившееся явилось следствием крупных структурных феноменов; мелкие события имеют значение лишь тогда, когда их делают значимыми структурные условия. Существенные причины оперируют на системном уровне. Как и Бриджес, Шварц полагает, что QWERTY стал вовсе не случайным выбором, поскольку как таковое расположение клавиш – это не обязательно единственный аргумент в пользу той или иной клавиатуры.

Возрастающая прибыль, продолжает Шварц, не является доминирующей чертой социально-политической жизни. Прибыль от вовлечения новых членов в ту или иную организацию (институт, группу и т.п.) не может повышаться до бесконечности. Когда ядро сформировано, стоимость вовлечения новых членов повышается, поскольку привлечь приходится все более далеких и все менее заинтересованных индивидов.

¹ Stinchcombe A. Constructing social theories. – N.Y.: Harcourt Brace, 1968.

Многие компании, давно существующие на рынке, при поддержке государства становятся монополиями, а также осуществляют политику, направленную на сохранение максимального числа работников (оплачиваемый отпуск по болезни, продлеваемые контракты со внештатными сотрудниками и т.п.). Партии, долго находящиеся у власти, в итоге сливаются с государством. Даже с экономической точки зрения, ресурсы не могут вечно находиться в изобилии; рано или поздно они будут исчерпаны. (Шварц также придерживается мнения, что реактивные последовательности Дж. Махони, которые описывают не что иное как последовательность событий, невозможно объяснить возрастающей прибылью, однако их можно объяснить снижающейся прибылью).

Исторический институционализм сопрягается с ЗТПР, поскольку институты становятся основным фактором, препятствующим изменениям. Однако, вопрошает Шварц, в чем тогда состоит источник перемен? И кроме того, почему именно институты обеспечивают стабильность системы (если индивиды в своих расчетах ориентируются на все повышающуюся прибыль, данное положение вещей носит в том числе и агентный характер)? В том случае если источник изменений находится в другом институте, то каким образом происходят изменения в том другом институте? Скорее индивиды будут стараться преодолеть снижение прибыли и вновь добиться ее повышения, а значит будут стремиться к положительным для себя переменам. К тому же еще Бергер и Лукман указали на следующее немаловажное препятствие следованию привычной траектории развития¹. Власть тем мощнее, чем она неопределеннее, и вследствие этой непрозрачности власти не только нарушается трансляция знания от поколения поколению, но и формируется основа для манипуляции социальными реальностями. А устойчивость институтов, в той мере, в какой

¹ Berger P., Luckmann Th. Social construction of reality. – N.Y.: Doubleday, 1967.

она имеет место, проистекает не из все возрастающей прибыли, а из усилий, предпринимаемых властью для собственного сохранения.

В итоге концепция ЗТПР представляется Шварцу либо в корне неверной, либо неоправданно широкой. В частности, он не видит оснований для того, чтобы подменять ЗТПР веберовскую историю развития либо называть диалектику Маркса «реактивными последовательностями». Важно находить и описывать механизмы, лежащие в основе тех или иных процессов, а не подводить под них теорию – в частности, такую как ЗТПР.

Различные авторы, не отрицая ЗТПР в целом, подвергли сомнению ее применимость к тем или иным явлениям. Например, Джерард Александр (Виргинский университет, г. Шарлотсвилль, США) не считает возможным описание в категориях ЗТПР формальных политических институтов (которые, правда, составляют значительную часть всех политических институтов) [Alexander, 2001]¹. Александр рассматривает функционирование партийных систем и смену властных режимов в странах Европы, Северной и Южной Америки. Он, в частности, пишет, что, хотя крупные изменения в системах выборов и переход от президентской к парламентской республике явление достаточно редкое, они все же больше распространены, чем предполагает идея «запирающей» траектории. Менее радикальные изменения имеют место чаще, например в демократиях третьей волны (Польша, Россия, Аргентине, Бразилии и др.) В ряде стран, скажем в США, то, что выглядит как поддержание статуса-кво, на самом деле таит в себе перемены: приход к власти другой партии сопряжен с изменениями при сохранении номинальных форм. Еще чаще делаются попытки внести изменения, которые по тем или иным причинам не достигают результата. Если бы формальные институты, делает вывод Александер, следовали ЗТПР, изменения происходили бы лишь

¹ Еще Д. Норт писал, что формальные институты значительно проще преобразовать извне, нежели принятые в обществе нормы и ценности. В итоге и революционные преобразования оказываются в действительности менее революционными, чем гласит их название [North, 1993, p. 38].

в результате экзогенных потрясений (как тогда, когда после второй мировой войны европейские демократии переписали свои конституции). Согласно концепции ЗТПР, изменения связаны с финансовыми и др. потерями, в то время как следование траектории обеспечивает возрастающую прибыль. Однако по мнению Александера, такой взгляд недооценивает стремление индивидов к краткосрочной выгоде, подчас в ущерб долгосрочным перспективам; электоральные изменения также несут в себе свои выгоды. Изучая ряд случаев из европейской истории, исследователь отмечает, что консервативные силы во Франции в 1870–1871 гг., в Англии в 1900–1927 гг. и в Испании в 1931–1936 гг. отнюдь не ощущали себя в безопасности перед наступлением левого лагеря; когда в 1951 г. тори вернулись в офис, они знали, что малейшее колебание электорального поведения вернет власть лейбористам. За демократической консолидацией в Бельгии, Франции, Испании и Великобритании последовала деволуция. Приведенные примеры в недостаточной мере согласуются с идеями ЗТПР, чтобы их можно было использовать в качестве объяснительной модели для анализа данных политических институтов.

Исследуя идеи ЗТПР в конце 2000-х годов, по итогам их более чем двадцатилетней истории, Томас Риксен (Бамбергский университет, Германия) и Лора Виола (Свободный университет Берлина, Германия) по-прежнему имеют дело с принципиальной неоднозначностью понятия «зависимость от траектории предшествующего развития» и прослеживают, как различные авторы «растягивали» данную концепцию [Rixen, Viola, 2009]¹. Имеет место явление, которое Риксен и Виола обозначают как «гипердиагностика институциональной ЗТПР» [ibid., p. 1]. Когда исследователи выбирают ЗТПР в качестве объяснительной модели, они искусственным образом сужают спектр доступных интерпретации изменений

¹ Против этого в свое время выступал П. Пирсон [Pierson, 2000], однако это стало принципиальной чертой рассуждений о ЗТПР, и, как демонстрирует исследование Риксена и Виолы, он сам этому способствовал.

/ стабильности. Теоретики постепенно расширяли эмпирическое пространство, в котором применяется данное понятие, а также вводили все новые теоретические механизмы для объяснения случаев, воспринимаемых ими как случаи ЗТПР. Первым расширением было распространение ЗТПР на институты, за чем последовала адаптация в область политической науки. Дальнейшему расширению способствовали исследования К. Телен, проложившие путь к примирению ЗТПР и изменений, которые всегда представляли собой один из проблемных аспектов данной концепции, однако по мнению Риксена и Виолы, конверсия и «наслоение» – это уже процессы, противоположные ЗТПР, а не ее подвиды. Эти авторы полагают, что в будущем исследователям следует уделять больше внимания проблеме изменений, в частности каким образом можно соотнести экзогенные и эндогенные изменения, оставаясь при этом в рамках концепции ЗТПР.

Своя доля критики идей ЗТПР последовала со стороны социологии организаций. Поскольку специалисты в этой области занимаются микроуровнем социальных процессов, то можно предположить, что они отдадут предпочтение агентности перед структурой. В 2010 г. «Journal of management studies» в специализированном разделе опубликовал две статьи, представляющие разные взгляды на данную тему. Жан-Филипп Вернь (Школа бизнеса им. Ричарда Айви Университета Западного Онтарио, г. Лондон, Канада) и Родольф Дюран (Высшая школа коммерции, Париж-I, Франция) стремятся найти практическое применение для идей ЗТПР [Vergne, Durand, 2010]. Спускаясь с макроуровня институтов и мезоуровня технологий, они анализируют основные положения теории ЗТПР на предмет их применимости на микроуровне организаций. Прежде всего, спорным исследователям представляется представление о случайности события, задающего траекторию развития. Основываясь на эмпирическом опыте, они утверждают, что такие ключевые для последующего развития события, как неуспех фирмы или отставка гендиректора, отнюдь не случайны, а

обусловлены рядом, в том числе структурных, причин. Подобно этому, в реальных жизненных ситуациях (в отличие от формальных абстрактных моделей) покупатели выбирают тот или иной продукт не случайно, а в результате комбинации факторов (дизайн, технические характеристики, репутация производителя и т.п.). Кроме того, неприятие авторов вызывает фактическая непроверяемость и недоступность для эмпирического наблюдения феноменов, описываемых в терминах ЗТПР: то, что определенное явление оказалось зафиксировано в виде паттерна, можно констатировать лишь постфактум. В будущем Вернь и Дюран предлагают использовать для проверки ЗТПР такие стратегии, как компьютерное моделирование, экспериментальная методика и контрафактические исследования. Первая стратегия позволит оценить вероятность ЗТПР на основе ряда изначальных условий; это будет исследование того, что может произойти, а не того, что уже произошло. Вторая стратегия представляет собой лабораторный эксперимент с участием малых групп. В рамках третьей стратегии исследователи задают вопросы типа: «Что если...?» и определяют стабильность отношений между различными событиями.

В свою очередь, Рагху Гаруд (Бизнес-колледж им. Фрэнка Смита Пенсильванского университета, г. Филадельфия, США), Арун Кумарасвани (Пенсильванский университет в Уэст-Честере, США) и Петер Карнёз (Ольборгский университет, Дания) вместо концепции зависимости от траектории предшествующего развития (path dependence) предлагают идею создания траектории развития (path creation) [Garud et al., 2010]. С этой точки зрения изначальные условия отнюдь не предопределены, задающие траекторию события видятся не чем иным как текущими контекстами действия, механизмы, способствующие воспроизводству траектории, – это следствие стратегических манипуляций акторов, а «запирание» паттерна – лишь временная стабилизация развивающейся траектории. В отличие от фаталистских и «геройских» определений агентности, авторы, следуя Б.

Чарнявской¹, понимают агентность как результат взаимодействий акторов и артефактов, образующих сети действия. Подобно Верню и Дюрану, Гаруд и коллеги полагают, что невозможно доказать случайный характер того или иного определяющего события. Так, открытие побочного действия гипотензивных препаратов в виде повышения потенции может считаться случайностью, как утверждают некоторые авторы², либо следствием таланта, проницательности и работоспособности сотрудников фирмы «Pfizer». Акторы не обязаны принимать то или иное положение дел как должное, безропотно следуя определенной траектории. Что касается механизмов воспроизводства и «запирания» траектории, то здесь авторы приводят примеры, демонстрирующие, как продукты оставались лидерами на рынке благодаря сговору и другим формам нерыночного поведения производителей. Политики могут вмешаться в ситуацию и «отпереть» траекторию; в практику может быть включена система сдержек и противовесов, с тем чтобы подобной блокировки пути вообще не произошло. Наконец, задаются вопросом авторы, как вообще отличить «экзогенный шок» от случайного события и как определить, что имеет место «запирание» траектории – иными словами, что нынешнее положение установилось надолго? По их мнению, ответ будет зависеть от точки зрения исследователя, оттого даже описанные Вернем и Дюраном стратегии не могут считаться надежным средством проверки ЗТПР. Гаруд, Кумарасвани и Карнёэ предлагают альтернативную концепцию – создание траектории. В тех условиях, в которых они пребывают, акторы будут находить возможности для стратегических изменений. Исследователи же, изучая нарративы, планы, проекты подлинных деятелей, будут в реальном времени анализировать не уже сложившиеся, а только складывающиеся пути развития.

¹ Czarniawska B. A theory of organizing. – Cheltenham: Elgar, 2008.

² См., например: De Rond M., Thietart R.-A. Choice, chance and inevitability in strategy // Strategic management j. – Hoboken (NJ), 2007. – Vol. 28, N 5. – P. 535–551.

Таким образом, мы можем наблюдать, что в зависимости от точки зрения и исследовательской позиции (в особенности если отдается предпочтение агентности перед структурой) тот или иной автор может разделять либо не разделять идеи ЗТПР. Кроме того, данные идеи были на пике научной моды в 1990-х – начале 2000-х годов; все важные и ставшие классическими работы на данную тему были написаны не позже первой половины 2000-х годов. Далее раскрывались частные случаи, приводились отдельные примеры¹, и при этом разрасталась критическая литература. Большая часть работ 2000-х годов – это критические статьи; в некоторых из них признается определенный потенциал идей ЗТПР, который необходимо развивать, авторы других высказывают принципиальное несогласие с рассматриваемыми идеями и отказывают им в каких-либо значимых перспективах.

Литература:

Alexander G. Institutions, path dependence and democratic consolidation // J. of theoretical politics. – L.; Thousand Oaks (CA), 2001. – Vol. 13, N 3. – P. 249–270.

Arthur W.B. Increasing returns and path dependence in the economy. – Ann Arbor: Univ. of Michigan press, 1994. – XX, 201 p.

Boas T.C. Conceptualizing continuity and change // J. of theoretical politics. – L.; Thousand Oaks (CA), 2007. – Vol. 19, N 1. – P. 33–54.

Bridges A. Path dependence, sequence, history, theory // Studies in American political development. – Cambridge, 2000. – Vol. 14, N 1. – P. 109–112.

¹ Скажем, Арт Карден (Университет Вашингтона в Сент-Луисе, США) иллюстрирует ЗТПР таким примером, как Реконструкция Юга после Гражданской войны в США: на фоне стремительно развивавшегося Севера, находившегося в авангарде с экономической, политической, социокультурной точки зрения, Юг по-прежнему пребывал под властью консервативных расистских институтов и соответствующих моральных норм и социальных отношений, что в итоге вылилось в поддерживаемую местными властями практику линчевания и законодательно оформленную сегрегацию, а также длительную экономическую отсталость [Carden, 2009].

Carden A. Inputs and institutions as conservative elements // Rev. of Austrian economics. – B., 2009. – Vol. 22, N 1. – P. 1–19.

Collier R.B., Collier D. Framework: Critical junctures and historical legacies // Collier R.B., Collier D. Shaping the political arena: Critical junctures, the labor movement and regime dynamics in Latin America. – Princeton (NJ): Princeton univ. press, 1991. – P. 27–39.

David P.A. Clio and the economics of QWERTY // American economic rev. – Pittsburgh (PA), 1985. – Vol. 75, N 2. – P. 332–337.

David P.A. Path dependence, its critics and the quest for «historical economics» // Evolution and path dependence in economic ideas: Past and present / Ed. by P. Garrouste, S. Ioannides. – Cheltenham: Elgar, 2001. – Ch. 2. – P. 15–40.

David P.A. Path dependence: A foundational concept for historical social science // Cliometrica. – B.; N.Y., 2007. – Vol. 1, N 2. – P. 91–114.

Garud R., Kumaraswamy A., Karnøe P. Path dependence or path creation? // J. of management studies. – Hoboken (NJ), 2010. – Vol. 47, N 4. – P. 760–774.

Liebowitz S.J., Margolis S.E. Path dependence // The new Palgrave dictionary of economics and law / Ed. by P. Newman. – L.: Macmillan, 1998. – P. 17–23.

Mahoney J. Path dependence in historical sociology // Theory a. society. – B.; Dordrecht, 2000. – Vol. 29, N. 4. – P. 507–548.

Mahoney J. Path-dependent explanations of regime change: Central America in comparative perspective // Studies in comparative international development. – B.; N.Y., 2001. – Vol. 36, N 1. – P. 111–141.

Mahoney J., Schensul D. Historical context and path dependence // The Oxford handbook of contextual political analysis / Ed. by R.E. Goodin, Ch. Tilly. – Oxford: Oxford univ. press, 2006. – Ch. 24. – P. 454–471.

North D.C. Institutional change: A framework of analysis // Institutional change: Theory and empirical findings / Ed. by S.-E. Sjöstrand. – N.Y.: Sharpe, 1993. – P. 35–46.

Pierson P. Increasing returns, path dependence and the study of politics // American political science rev. – Cambridge, 2000. – Vol. 94, N 2. – P. 251–267.

Rixen T., Viola L. Uses and abuses of the concept of path dependence: Notes toward a clearer theory of institutional change // International summer school on the logic of self-reinforcing processes in organizations, networks and markets. – B.: Freie Universität Berlin, 13–17 July 2009. – P. 1–27.

Schwartz H. Path dependence, increasing returns and historical institutionalism: Unpublished manuscript. – 2004. – Mode of access: <http://people.virginia.edu/~hms2f/Path.pdf> [Accessed 23.11.2016.]

Thelen K. Historical institutionalism in comparative politics // Annual rev. of political science. – Palo Alto (CA), 1999. – Vol. 2. – P. 369–404.

Thelen K. How institutions evolve: Insights from comparative historical analysis // Comparative historical analysis in the social sciences / Ed. by J. Mahoney, D. Rueschemeyer. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2003. – P. 208–240.

Vergne J.P., Durand R. The missing link between the theory and empirics of path dependence // J. of management studies. – Hoboken (NJ), 2010. – Vol. 47, N 4. – P. 736–759.

Ссылка на источник:

Евсеева Я.В. Концепция зависимости от траектории предшествующего развития: Основные положения и критика (Аналитический обзор) [Электронный ресурс] // Официальный сайт ИНИОН РАН. – Режим доступа:
http://www.inion.ru/files/File/evseeva-path_dependence-2016.pdf